

**ШЕВЧЕНКО
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА**

Доцент кафедры
философии и социологии,
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.
Кандидат философских наук,
Томск. Россия.
E-mail: a-risa@mail.ru

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Главный научный сотрудник
Института философии и права СО РАН.
Доктор философских наук.
Новосибирск. Россия.
E-mail: smiroff1955@yandex.ru

ИСПЫТАНИЕ НА ВСХОЖЕСТЬ¹

Разговор

DOI: 10.32691/2410-0935-2024-19-268-298

*Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...*

В. Т. Шаламов

1946

Смирнов С. А.: Сегодня 13 марта 2023 года. Разговор-продолжение. Лариса Шевченко и Сергей Смирнов упражняются в событийной онтологии.

Шевченко Л. В.: У меня первый вопрос. Вы пишете о Л.С. Выготском, о культурно-исторической психологии. И вдруг Вы пишете о методе М. М. Бахтина². У Вас нет сопоставлений?

Смирнов С. А.: Исторически так получилось, что я их двух знал со студенчества, и оба меня зажгли с разных сторон, каждый по-своему. Как раз на круж-

¹ Продолжение. Первую часть см. здесь: Шевченко Л. В., Смирнов С. А. Испытание на всхожесть. Разговор // Человек.RU. 2023. № 18. С. 234–279. DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-234-279

² Речь идет о статье: Смирнов С. А. Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. 2023. № 18. С. 280–323. DOI: 10.32691/2410-0935-2023-18-280-323

ке у В. П. Тыщенко я впервые для себя открыл и Выготского, причем с его Гамлетом, и Бахтина, причем, опять же, с работ, которые больше все-таки не филологические, а философские.

Публикации, в принципе, тогда уже были, в 70-е годы. И потом вышел белый сборник, «Эстетика словесного творчества». Ну и все пошло-поехало. Но тогда же, в начале 80-х вышло собрание сочинений Выготского. Они меня заделали оба, и я стал себе задавать вопрос, почему они друг друга не услышали, не увидели, или это ирония их биографий? Или это что?

Даже в одном из комментариев говорится, у В. Л. Махлина, что Бахтин, якобы, считал Выготского бихевиористом. Это отчасти даже правда, долгое время Выготский не мог выбраться из этих пут реактологии и бихевиоризма. Это осталось и в его терминологии. Но тренд мысли он задавал другой.

Я пытался сначала думать о сопоставлении, но потом я плюнул, потому что это все равно что сравнивать две разные планеты. Хотя исток был очень близкий, исток был, кстати, откровенно религиозный и у того, и у другого. Но потом эта религиозность у того и другого была запрятана очень глубоко, причем сознательно.

Г. Гачев и называет работу Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» религиозным трактатом, прямо так и говорит, мол, «проблема Автора и Героя у Бахтина – это проблема Бога и человека». И записывают его в эзотерические авторы. Но это все метафоры.

Я бы так не говорил, я бы говорил о других вещах. Исходный корень какой? Это попытка начать говорить о человеке каким-то другим языком, не тем, который был принят. Все уперлись в разные тупики, в реактологию, поведенческую психологию, религиозную философию, мистику, богословие, но человек никак не ухватывался. Ну и каждый по-своему как-то пошел искать свое начало. Причем, судя по всему, книжки они читали почти одинаковые, если начать копать. Но у каждого был свой путь. И поэтому я сравнивать не стал, и они у меня, как бы сказать, как два разных голоса, как правая и левая рука.

То есть пытаться Бахтина приближать его Выготскому и наоборот, бесполезно. Они у меня лежат в разных плоскостях по очень простой причине. Они, когда пытались выстроить антропологию, каждый по-своему, имея каждый свой путь, пытались выстроить и свой метод.

Ну и получилось так, что мы имеем две версии. Они не одинаковые. Есть метод феноменологического присутствия у Бахтина и есть метод овладения через опосредствование у Выготского, и оба про открывание личности. Но, так сказать, у них разница в инструментах, это понятно, в языке, и у них реальный эмпирический материал разный. Один фактически строил метод на материале искусства и филологии, другой – на материале конкретной психологии, даже дефектологии, но этот материал упаковывался в разные способы говорения про человека. А этот разный способ говорения ими как-то выплавлялся, они не могли говорить одинаково, они говорили каждый по-своему.

Хотя и тот, и другой, например, спорили с В. Дильтеем или тот и другой имели в виду Ф. Ницше, и тот, и другой знали Э. Гуссерля, ну и так далее. Ну и что, что знали Э. Гуссерля? Ну и вот тебе разные пути и методы. Поэтому меня это не беспокоит. Пусть будут разные версии, разные два голоса, очень сильные и самостоятельные.

Шевченко Л. В.: Но в том подходе, который у Вас получается, есть и свой метод, Ваш метод, он тоже есть какой-то свой.

Смирнов С. А.: А, если так, то свойскость получается такая. Почему я схватился за феномен события? Это ответ на вопрос о человеке. Человек обретает место, то есть становится событием в мире, неповторимым, уникальным. Масштаб не обсуждаем. Так вот, это фактически два разных пути к событийности человека. Но это меня устраивает, это нормально. И то, и другое фактически про событийности. Не зря же и Б. Д. Эльконин эту тему взял и стал развивать от Выготского. И, кстати, у Эльконина тоже ведь гибрид. Он поженил всех, у него там Выготский, Бахтин, Хайдеггер, и все там. Нормально, ничего страшного.

Вопрос в другом. Это работа просто в иной парадигме, в этом смысле они близки, но эта близость означает переключку двух неслиянных голосов, и более того, это близость – не одинаковость, это близость означает то, что они стоят в едином хоре, это про то, что В. Л. Махлин называл Третьим Славянским Ренессансом. Они у него там все, он туда всех и поместил, и Бахтина, и Мандельштама, и О. Розенштока-Хюсси, и философию диалога, и так далее.

Вот они у него все там. Но это все неслиянные голоса одного хора, отличного от другого хора. Это был отказ как от западной рациональной традиции, так и от русской религиозной философии. Это просто третья парадигма. В этом смысле их можно сближать, потому что они стоят как бы рядом вот в одной этой парадигме событийной онтологии. Дальше надо просто понимать, что у каждого получается свой поиск вот этой событийности человека. Потому что, кстати, чисто биографически и тот, и другой были очень больные, больные люди. Как Лев Семенович рано заразился туберкулезом, у него был короткий срок жизни.

Шевченко Л. В.: То есть он заразился рано, и он понимал, что ему недолго осталось?

Смирнов С. А.: Да. Он заразился в 1919 году от больного брата. Во время войны. И он понимал, что он не излечим. Так и Михаил Михайлович, с его остеомиелитом с детства. Он ведь не закончил школу, не закончил ничего, никакого диплома не имел, но потом ставший, как ни странно, кандидатом наук, но, так сказать, поставленный жизнью в очень ограниченные условия, плюс к этому события 20-х годов повлияли и на того, и на другого.

При этом один был убежденным марксистом, Выготский, а другой скрытый христианин, монастырь в миру, что называется, со своим скрытым евангелием. Хотя марксизм Выготского похож на веру первых христиан, веру в царство спасения, идейный такой, не узколобый большевизм. У него был личный Бог, а у другого тоже был личный Бог, если говорить про это. Очень личный, неконфессиональный.

Шевченко Л. В.: Христианство это и позволяет. В принципе, да.

Смирнов С. А.: Да. Для верующего, глубинно верующего, церковь не нужна. Зачем ему посредник? Ему нужна личная встреча.

Шевченко Л. В.: Смотрите, но вопрос-то у меня именно к Вам. Если, допустим, этот метод Бахтина вырастает из его христианского, из его действительно личного Бога... Тогда как можно этот метод исследовать, и брать как метод?

Смирнов С. А.: Брать нельзя. То есть анатомировать. Но можно участно приобщиться к нему, как к любому опыту, который не передаваем. Опыт не пе-

редается. Он показывается. Иди и смотри! И в этом смысле вся же оптика его на это была направлена. Присутствие человека в мире невозможно исследовать, поскольку человек не объект, не вещь. Человек – это личность в потенции, поэтому к нему надо участно относиться, искать соответствующий метод присутствия человека, то есть метод, который соответствует ему же. Коль скоро человека нельзя превращать в объект, исследовать тоже нельзя, описывать нельзя, можно участно приобщиться изнутри, наблюдая, как он является в этот мир.

То есть, феноменологический метод для него – это не лицемерие феноменов сознания, как у феноменологов, это явление человеческого в человеке. Это к вопросу о религиозности, глубинный опыт здесь помогает, так сказать, явить человека через определенную духовную работу.

Но он не идет вот туда, собственно, в мистику, духовную аскезу, не изучает опыт духовных упражнений. Он действительно пытается, как ученый-философ, все-таки построить свое понимание метода, который и устроен принципиально по другому способу. Метод участного мышления, метод присутствия человека, который не является технологическим, инструментальным, объектным, натурфилософским, психологическим, сопереживательным, это все были разные версии. Но метод, который позволяет показать то, как происходит событие явления человека. Но он, конечно, попал в очень тяжелую ситуацию, потому что на каком материале это показать? И здесь мне стало окончательно ясно, почему вдруг возникает Достоевский. Долгое время, будучи молодым и ретивом, я думал, что это просто была у него внутренняя эмиграция. В 20-х годах была уже плохая ситуация, и он, мол, ушел туда, в литературу, с тем, чтобы скрыть себя и спасти. Оказалось, что ничего подобного! Он сознательно пошел в литературу, чтобы показать то, как на языке модели художественного мира романа можно показать событийность человека.

И это был единственный разумный осмысленный ход, и вполне реальный, потому что другие неминуемо сваливались в религиозную философию а-ля Соловьев. Поэтому ему нужен был вариант модельного разговора про то, как работает метод участного мышления.

Здесь сразу вылезает вся эта тематика: «я-ты», «я-другой», автор-герой, диалог, голос, полифония. И тогда у него формируется сугубо свой словарь. Но это не про литературу. Не зря же М. Гаспаров возмущался. Мол, это не филология. Ведь филология имеет дело со строгими вещами. А это что? Какая это филология? А философы возмущаются со своей стороны: это не философия! Так извините, конечно! Он строил Метод, ему не нужно было делать филологию и не нужно было делать привычную философию, ему нужно было строить метод присутствия на каком-то материале. И при всей, естественно, любви к Достоевскому, он писал не про Достоевского, он оставался философом, поэтому в конце жизни С. Бочарову он признался: «Я философ прежде всего».

Это отличный пример, гениальный пример про описание художественной модели романа Достоевского, на материале которой он показал вариант вот этой полифонии голосов, того, как можно построить модель присутствия человека при их неслиянности.

Каждый человек через голос являет себя в мир. Это действительно уникальная штука, потому что как эту участность можно увидеть вот этого чело-

века? Через голос. Вот голос живой, причем каждый раз неповторим, а завтра он по-новому звучит. И его можно описать, можно услышать. Поэтому мы видим его разведение текста и высказывания, его замечания по проблеме текста в гуманитарных науках и т. д.

Мне кажется, это ход абсолютно точный, выверенный, выстраданный, и он эту линию так и держал, если смотреть на его конспекты 70-х годов. Они написаны так, как будто он писал их в 20-е годы. Человек – это же не «вот этот». То есть мы с тобой не человеки. То есть, мы с тобой можем общаться, говорить, ходить, что-то делать. Но когда-то, однажды, наступает испытание и есть шанс, что случится твое событие, и оно не детерминировано ничем.

И как про это говорить? Впрямую про это нельзя сказать, будет вымороженная квазифилософия. Нужна была модель, роман. Именно на художественном примере он показал модель, потому что искусство – это вид незаинтересованного действия, которое просто показывается и ни к чему не призывает.

Это вот то самое эстетическое незаинтересованное участие, когда ты просто смотришь, но заливаешься слезами. И именно поэтому он настаивал, что это не про этику, это про модель, которую показывают. Смотрите, вот образы героев, они практически сами существуют. В этих образах видно, как между ними выстроены отношения. И, кстати, на этом примере он начал потом сравнивать, а как у этого автора, как у Толстого, как у этого, как у этого. И Достоевский у него получился уникальным примером, потому что у других – сплошные монологизмы. Ни Тургенев, ни Толстой не тянут. Его опять ругали за это, но это вопрос же не про филологию. Модель, модель художественного мира, которая просто показывает, как работает метод присутствия. Отличный ход.

Шевченко Л. В.: Если взять Достоевского, у него же откуда-то эта модель тоже появилась, исток-то какой-то тоже есть. Он же находит у Достоевского модель, работает на его материале, но и Достоевский же тоже не прост в этом смысле, он откуда-то эту модель тоже как бы взял.

Смирнов С. А.: Да, выстрадал, надо было каторгу пережить, и карточные игры, и свое предательство жены, которая была вынуждена продавать вещи на рынке за границей, а он потом эти вырученные деньги вновь проигрывал. Много чего было у него, но... Подпольный человек в нем сидел, очень сильно. Понятно, это есть у каждого. Надо было не просто вляпаться в историю, а надо было, вляпавшись в историю, начать понимать, что происходит с ним. И постепенно-постепенно лепить вот этого странного человека в себе, насколько возможно честно, потому что действительно, если сравнивать степень искренности Толстого и Достоевского, так они совсем разные.

Причем, я готов согласиться с Бахтиным в том, что именно образ подпольного человека является самым ярким примером явления человека. Вот он, вот он такой. Без всяких прикрас, без всяких оценок. Вот он, вот весь как есть. Он просто показан, предъявлен миру. Без всяких этических нагрузок. Смотри, как человек устроен! И он это просто показал. А при этом Бахтин много раз оговаривается, что я, господа, не обсуждаю философию Достоевского, я не обсуждаю его взгляды политические, религиозные, это про другое. Про это смотри «Дневник писателя», смотри его публицистику, смотри его, читай про то, как он не любил евреев и так далее. Про то, как он революцией увлекся и т. д. Я же, говорит Бахтин, обсуждаю его как художника. Он как художник здесь не

врет. Вот он роман написал, закрыл его и пошел пиво пить, условно говоря. Вот здесь он, вот здесь он. Я не обсуждаю его взгляды, я обсуждаю его модель, какая она у него получилась. В этом смысле, да, это такая проверка на вшивость.

Шевченко Л. В.: Допустим, Вы тот, кого привлекла эта тема, метод Бахтина. Но у Вас есть и своя какая-то ситуация в философии, или философской антропологии? Вы это как говорите, как Вы это утверждаете?

Смирнов С. А.: Бог его знает, а как утверждаю? Вопрос «как» – это вопрос инструмента, это я не знаю.

Шевченко Л. В.: Зачем нам метод Бахтина знать?

Смирнов С. А.: Не знать. Хотя метод все равно нужен, просто смотря какой он. О чем я пытался сказать в статье? Метод нужен как такой способ, который являет вот это свое детище – человека, чтобы про человека не трепаться и не сопли жевать и не сваливаться в крайности, а про него как-то предметно говорить в его присутствии.

Таких попыток построения адекватного метода почти нет. Смотри, мне же уже скоро 70. Но я только сейчас написал про метод Бахтина, хотя со студенчества его люблю. И что? Это же вопрос про поиск антропологии, хотя увлекся давно.

И что? То же самое, кстати, и с Выготским. Только «проблема цифры» меня сподвигнула предметно заняться методом Выготского, чтобы осознанно, пытаясь осмыслить эту проблему влияние цифры на человека, искать адекватный язык, с помощью которого можно описать это влияние. И я понял, что самый адекватный язык понимания этой проблемы выработан в культурно-исторической психологии. Ну читал я все сочинения Выготского. Давно и много раз. Ну и что? Но когда надо было искать метод разговора, то вроде бы нашел у него ответ³. Хотя искал же у разных авторов. Много авторов пишут о влиянии цифры, но либо много соплей, либо много литературщины, либо много метафизики, либо впадают в разного рода редукции и еще много чего.

Метода не было в антропологии. Нужна опора. Потому что когда я заявляю про событийную антропологию, то меня-то устраивает метод навигации, устраивает вполне, но надо просто дальше идти. В поисках метода я стал смотреть у других собеседников. Пока только у этих двух нашел. Я даже у Хоружего не нашел. Я у него метода не нашел антропологического. То есть, то, что там про духовные практики и про богословие, это отдельно. Я туда не иду. А у него без этого нельзя. У него книга «К феноменологии аскезы» построена на молитвенной практике исихастов. Я туда не иду, а у него корень метода оттуда – молитвенная практика. Молись, делай упражнение, совершай богообщение и все, и ушел туда. Меня это не устраивает. У него без этого никак, отруби его молитвенную практику от его синергийной антропологии – ничего не останется. Синергия-то с Богом происходит.

Шевченко Л. В.: Ну, смотрите, мне кажется, что и Достоевского, и в методе Бахтина, как Вы описываете, там человек переживает «любовное выхождение из себя», или, к примеру, «принять мир такой, какой он есть». Но вот это

³ Речь идет о серии работ, посвященных описанию проблемы влияния цифры на человека на языке культурно-исторического подхода. Они собраны в книге: Смирнов С. А. Человек и Цифра или Соблазн не быть. Антропологическая альтернатива. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2023. 384 с.

как бы фраза, Вы причем там очень редко пишете про это, мало про это... А как сказать про это принятие мира таким, какой он есть? Это из-за чего случается вообще? Как это случается? А это ведь, получается, само основание?

Смирнов С. А.: Как случается? Как готовность принять. Как готовность принять другого как другого. Этого, этого... Как готовность принять, то есть на себя смотреть как есть, а не как хочется, кажется и так далее, ведь это самое тяжелое. Это про готовность.

Шевченко Л. В.: Ну, как готовность? Я понимаю готовность так. Выросло там что-то, допустим, ты посеял пшеницу, потом она выросла и вот и все, там нужно определенное время ...

Смирнов С. А.: Это метафизическая готовность.

Шевченко Л. В.: Метафизическая? Вы так полагаете ее, вот такая готовность?

Смирнов С. А.: Да, она полагается. Никакие мама тебе не даст ее, никакие учителя, никакие книжки. С этим связана какая-то странная, окаянная метафизическая готовность. Она полагается. А иначе как? Это метафизический принцип. Он не на психологии основан, это и не воля... Есть волевые мужики, которые разваливаются, пропадая в ситуацию испытания. Понимаешь, это не детерминировано ничем.

Шевченко Л. В.: Нет, для меня это детерминировано как раз религиозным сознанием. Религиозным сознанием, христианским. У меня точно в основе христианского сознания принятие мира так, как Христос принял. Потому что в других религиях я не знаю, как там это.

Смирнов С. А.: Вот совсем честно, ты верующая?

Шевченко Л. В.: Ну как? Я говорила: мню себя христианином, ну, как верующая?

Смирнов С. А.: Ты веришь? Ты веришь?

Шевченко Л. В.: Во что?

Смирнов С. А.: Вот именно, в кого?

Шевченко Л. В.: В то, что мы воскреснем, верю.

Смирнов С. А.: Бред.

Шевченко Л. В.: Я в смерть не верю.

Смирнов С. А.: Бред. Есть только эта жизнь. Загробной жизни нет.

Шевченко Л. В.: Ну, она не загробная.

Смирнов С. А.: А какая?

Шевченко Л. В.: Да такая же, только в воскресенье.

Смирнов С. А.: Ну, вот пошли мифы, сказки.

Шевченко Л. В.: Ну, смотрите, для меня только вот в этом всем контексте религиозном и смысл, именно вот в таком, религиозном.

Смирнов С. А.: Это уловка.

Шевченко Л. В.: Какая уловка?

Смирнов С. А.: Это лазейка.

Шевченко Л. В.: Почему лазейка?

Смирнов С. А.: Потому, что ты допускаешь загробную жизнь, поскольку, мол, там тебе воздастся, а здесь в этой жизни...

Шевченко Л. В.: Нет, она не загробная, и не про воздаяние эта идея.

Смирнов С. А.: А про что? А зачем тебе та жизнь? А эта жизнь?

Шевченко Л. В.: А ты в этой должен понять про воскресенье. Если ты не поймешь, то... Вот как оно устроено.

Смирнов С. А.: А я в этой жизни хочу понять про эту жизнь.

Шевченко Л. В.: А чего вы не понимаете?

Смирнов С. А.: Я в этой жизни что делаю? За что я здесь отвечаю? Зачем я здесь?

Шевченко Л. В.: Да.

Смирнов С. А.: Вот в этой жизни!

Шевченко Л. В.: Да, и это предполагает...

Смирнов С. А.: И отвечать я могу только реально в этой жизни, в своей жизни, и все, по-другому я отвечать не могу, это все сказки про загробную жизнь.

Шевченко Л. В.: Ну как отвечать? Смотрите, если ты в этой жизни понял, она принципиально важна, и она одна, но только потом она будет вечной.

Смирнов С. А.: Зачем тебе вечная жизнь? Нет никакой вечной жизни, не строй иллюзий. Вот смотри, есть очень неудобные вопросы, которые я не люблю обсуждать на самом деле, но постоянно задаю вопросы, я даже со студентами упражнялся немножко, их это шокирует просто. Вот про всю эту историю Иисуса Христа. Для меня он был человек, это был реальный человек, пусть он великий, гениальный возможно, одаренный, нет проблем. Но это был смертный человек. Вопрос – за что убили? Ни один верующий тебе не ответит. Причем, почему такой казнью – распятием? Почему не отрубили голову, не закидали камнями, как это делали иудеи? Распятие – это казнь римская, точнее, у карфагенян заимствованная. Так казнили за сто лет до этого восставшего раба – гладиатора Спартака.

Значит, Бога Сына распяли, как восставшего раба. Очень интересно. Дальше. Разве можно Бога Сына распять, убить? А до этого пытаться? Распяли человека смертного, причем именно такой казнью. Зачем-то. Ни один священник тебе это не объяснит. Он начнет тебе эту самую всякую мифологическую фигуру рассказывать. Молись, типа, и кайся. Неудобные вопросы. Дальше, въезжает Он на праздник Пасхи в Иерусалим на осле. Все радуются и все знают – вот Он приехал. Ну, такой праздник, ритуал, понятно. Там символика сплошная. При этом Синедрион решает, что надо его схватить, но только не в праздник, иначе будет возмущение в народе. Все это написано в Евангелиях, не я придумал. Но все равно его взяли именно в Пасху, в четверг. Просто схватили, причем как-то странно схватили. Ученики его спали в этом саду Гефсиманском, а Он молился. Кому он молится? Никаких храмов не было, естественно. И никакого образа Бога Отца не было. Он просто сидит в саду, и ему было очень страшно. «Да минует меня чаша сия!». Ему жутко страшно было.

Шевченко Л. В.: Ну и что? К чему вопросы?

Смирнов С. А.: Ни к чему! Это история про человека! К человеку вопросы! Никакой здесь мистики и идеи загробной жизни нет. Была история про смертного человека.

Шевченко Л. В.: Я не спору.

Смирнов С. А.: Это все про человека.

Шевченко Л. В.: Про человека.

Смирнов С. А.: Тогда забудьте сказки про воскресшего Бога. Потому что он выбивал почву у Синедриона напрочь! Церковь не нужна для встречи с совершенным человеком. Не нужна она в принципе.

Шевченко Л. В.: Я могу с этим согласиться.

Смирнов С. А.: Не нужна и церковь! Это серьезно. А церкви паства нужна, которая верит в сказки про воскресшего Бога, сначала убитого, а потом воскресшего. Вот эта сокровенность, которая, конечно, где-то мистическая, она как бы переживалась, наверняка, и тем же Бахтиным, и Выготским. Это все очень сокровенное, и про это ничего толком нельзя сказать, это не вербализуемо. Но показать можно, поэтому – проблема истока, поэтому стремление как-то его показать. Поэтому Бахтин и уперся в то, что он показал, поставил, что есть два предела, Вещь и Личность. И тогда в онтологии Вещи своя парадигма и свой метод познания, а в онтологии Личности своя.

Но дальше он не пошел, он не стал строить теорию личности. Про нее нельзя ничего сказать. А личность и был Христос, как совершенная личность, показавший пример реального поступка. Но Бахтин про это не стал строить метафизику личности. Он там остановился и ушел в художественный мир Достоевского. Это тоже принципиально.

И, кстати, отголоски вот эти у него есть, когда он в одном из разговоров с Турбиным сказал – вы вспомните, это же был всего-навсего обычный сквер, где сидят эти люди, нищие бродяги. Сидят, едят хлеб, пьют вино. Все, ничего мистического.

И тут приходит стража, толпа, и с ними Иуда. И говорит, вот кого я поцелую, тот и будет. А что, его не видели, не знали в лицо? Да, не знали, конечно, обычный бродяга. Похоже, таких бродячих учителей было много. Но именно этого бродягу надо было распять. Потому что очень опасен.

Шевченко Л. В.: Ну вот, знаете, у Аверинцева при анализе Ветхозаветной словесности есть такая мысль, я ее хорошо помню. Он говорит, что есть греческий, так сказать, выход из мифа, исход из мифа. Этот исход из мифа, он говорит, в двух версиях случился. Греки, значит, философию придумали, в том смысле, что стали строить объективацию, абстрагирование и проч. А в Ветхом Завете совершенно другая была история. Тоже из мифа вышли как раз с этим личным Богом, с которым в Ветхом Завете общаются. Когда действительно всегда есть некий человек, который с Богом разговаривает, вся эта ветхозаветная сюжетика, там же очень странный сюжет с точки зрения объективности. Того же Иова возьмите или там какой-нибудь Иона, которому, значит, сперва сказали дно, а потом передумали и т. д.

Смирнов С. А.: Там постоянное словопрение по поводу Бога, в том числе вот это страдание Иова, да, так там про богоборчество, да, но про Ветхозаветного Бога.

Шевченко Л. В.: Нет, ну, просто, понимаете, вот для меня почему и Ветхий Завет, и Новый Завет являются таким...

Смирнов С. А.: А потому что первая история случилась.

Шевченко Л. В.: Какая?

Смирнов С. А.: Первородный грех. Адам-то вкусил плод. То есть человек.

Шевченко Л. В.: Ну, какой у Вас первородный грех, если вы в Бог не верите?

Смирнов С. А.: Причем здесь...

Шевченко Л. В.: Вы как метафору говорите?

Смирнов С. А.: В того, конфессионального Бога, я не верю. Я верю в человека, которого убили, но который показал пример. Я с ним общаюсь.

Шевченко Л. В.: А кто упал в грехопадении у Вас тогда?

Смирнов С. А.: Это тоже про человека. В том смысле, что это такой большой символ.

Шевченко Л. В.: Откуда он взялся-то?

Смирнов С. А.: Это большой символ. Это очень просто. Человек его постоянно сам возрождает. Такова его природа. В каком смысле он природный? В том смысле, что род постоянно всякий раз восстанавливает этот самый миф грехопадения. Мы так устроены, мы обязательно вкушаем запретный плод, а потом ищем утраченного Бога.

Сначала мы рождаемся, это же большой символ. Мы появляемся в раю, в любви. Нормально, нас любят. И нам заповедано: храни его, рай, то есть, пребывай в единстве с миром, с другим, с покоем в душе. Это первые два года жизни человека. Нормально, тебя любят, облизывают, лелеют. Ты не знаешь, что такое свой, чужой, добро, зло. Там же нет таких проблем в младенчестве, при этом ты думаешь, что в раю все твое, но только отсюда брать плод нельзя – с Древа познания добра и зла. Более того, как только ты вкусишь его, смертью умрешь. Все понятно. Как только ты начнешь делить мир на добрый, злой, свой, чужой, ты тут же потеряешь душевный покой. Пиши пропало. Ты потеряешь себя, потеряешь мир, потеряешь все, свое начало. И этот происходит тогда. Когда ты допускаешь, что тебе можно брать то, что заповедано. Что всем нельзя, а тебе почему-то можно.

Да, заповедано, но мне все равно можно. И получишь по шеям сразу обязательно. И потеряешь рай, потеряешь исходный покой, потеряешь вот это вот состояние, как бы сказать, пребывания в мире, что где-то, так сказать, он твой, и тебя мир принимает таким, какой есть, заметь, без оценок. То есть в любви. И ты его потеряешь. Обязательно потеряешь. Ты его потеряешь и будешь потом в течение всей жизни вновь искать. А потом он появился, Христос, и говорит: Так верни себе исходное состояние. И это возможно только через любовь. Чудес не бывает, храм мой не рукотворен. Это храм души моей. Верни, ну, поработай душой. Синедрион врет, это все обман. Нет чудес, нет никаких богов. Все, вот он, я, ты. Верни утраченную любовь, верни ее. Для этого не нужно никаких мистических чудес, придуманные построений, надо вернуть состояние, а это тяжело, потому что уже наворочено вот этого всего много. Все же так живут. Ну и все. И его убивают.

Тогда в истории соединяются истории – рождения человека, его падения, потом явления и смерти Христа. И все случилось. Это мое объяснение для меня, мне тогда понятна вся эта история, и понятны все эти истоки. Не надо никакой мистики, не надо городить богословие и идти в церковь.

Не надо идти в богословие, это чисто человеческая история. Потому она и вечная, потому что с каждой жизнью эта история повторяется, это миллиарды историй. И они всякий раз воспроизводятся, потому что пока человек жив на этой земле, он будет ее воспроизводить, рождаться в любви, утрачивать любовь, вновь искать, возрождаться, снова рождаться, снова искать и дальше поехали.

Шевченко Л. В.: Слушайте, ну я-то вот думала, что у Хоружего, например, молитва – это не богословие. Ну, конечно, оттуда она, но это же, собственно, молитва-то у него не молитва, это какая-то техника.

Смирнов С. А.: Нет, все равно это практика, это духовное упражнение. Это одно из ключевых его понятий. Просто он хотел сделать вытяжку из этих практик священнобесмолвствующих и сделать ее методологическим правилом уже для своей антропологии. Но исходный-то исток никуда не делся. Синергичная антропология исходит из базовой топики, у него же три топики, третья самая главная – онтологическая топка, она же у него упирается в богообщение, и все, и без него никак. А виртуальная и психоаналитическая топка (топка бессознательного), они до этого онтологического горизонта не дотягиваются, потому что там происходят замены и подмены сплошные. Бессознательное заменило Бога сексуальной энергией, а виртуальная реальность заменяет вообще весь мир виртуальными формами жизни. А настоящее вот это – онтологическое. Но у него синергия строится на Богообщении. Без этого у него все равно никуда. Это не чистое богословие, но метод выстроен в эту сторону. Он имел на это право, конечно. Но это, так сказать, его ход, так скажем, который можно просто положить как пример, как прецедент. Но надо сказать, что это трагедия, потому что Хоружий (по опыту общения с коллегами в Москве и прочее) как-то не взялся никем. У него нет продолжения.

Он не взялся: ни учеников, ни школы. Во-первых, он сознательно этого не делал, а во-вторых, он не берется, не строится традиция при всем богатстве его общения, у него было много собеседников, друзей, коллег, где он только ни бывал, где он только не наследил, но как-то он не берется. Не знаю, почему. Да что там говорить, Бахтин тоже не сильно берется, но все-таки он стал, что называется, именем. А вот Хоружему, наверное, еще предстоит ждать, когда он будет принят.

Я не знаю пока, пока не знаю. Но в Институте философии он белая ворона был. Пока он был физически, его там терпели просто, терпели. А когда он ушел и все, и вообще, забудьте.

Хорошо, что у него много всяких партнеров было, друзей, благодаря которым издавались книжки, или вот сейчас его многолетняя помощница Елена Леонидовна, в одиночестве пытается как-то с наследием работать, с архивами. Это понятно, это правильно, но это отдельная история. А я же про ситуацию в сообществе.

Шевченко Л. В.: Ну, знаете, ничего удивительного, Сергей Алевтинович, это, конечно, я понимаю. Смотрите, Хоружего возьмем, Генисаретского, но они же верующие люди? Верующие.

Смирнов С. А.: Верующие, верующие.

Шевченко Л. В.: Аванесов Сергей Сергеевич, верующий человек.

Смирнов С. А.: Я с ним это не обсуждаю.

Шевченко Л. В.: Нет, я не буду это обсуждать. Ну, верующий человек, да.

Смирнов С. А.: Верующий, да.

Шевченко Л. В.: Аверинцев, например, верующий человек, да. Ну и там, мне кажется, еще можно погибать пальцы.

Смирнов С. А.: Да, так же можно другую банду назвать.

Шевченко Л. В.: Ну какую?

Смирнов С. А.: Шаламов, не верующий. А в ГУЛАГе выжил.

Шевченко Л. В.: А для меня Шаламов верующий. Вот парадокс в чем...

Смирнов С. А.: Вот опять начинаешь?

Шевченко Л. В.: Да.

Смирнов С. А.: Что это значит?

Шевченко Л. В.: Нет, парадокс в чем...

Смирнов С. А.: Ты меня тоже можешь обозвать верующим, только во что, в кого?

Шевченко Л. В.: Ну, про это и речь, собственно, да.

Смирнов С. А.: Понимаешь, вот Бертран Рассел написал работу «Почему я не христианин»? Знаменитый философ, лауреат Нобелевской премии, борец за мир и так далее, и так далее.

Шевченко Л. В.: А Э. Левинаса читали?

Смирнов С. А.: Левинас, да. Вот это вот его работа «Время и Другой», да, но он тоже верующий.

Шевченко Л. В.: Конечно, он верующий.

Смирнов С. А.: Верующий, конечно.

Шевченко Л. В.: Там же тоже какая-то странная такая загогулина.

Смирнов С. А.: Ну да, но у меня он как-то не берется. Слова те же, а не берется. Нерва, нерва какого-то нет, не чувствую.

Шевченко Л. В.: Я тоже, я просто к тому, что у меня почему-то иногда вспоминается параллель, потому что у него тоже такие понятия: уязвимость, лицо, как-то вот эти странные понятия.

Смирнов С. А.: Ну, чувствую, он пытается, да, найти язык, это та же самая история, да, поэтому он и относится к той экзистенциальной парадигме. Мартин Бубер тоже, такая же история, тоже верующий, но только еврей, хасидские притчи писал. Но это все конфессиональные вещи.

Я тебе уже говорил, я общался с И. С. Ладенко, замечательный философ, доктор наук, логик, ученик Г. П. Щедровицкого, его соратник. И потом все узнают после его смерти, что он был очень прилежный прихожанин в церкви, глубинно, скрытно верующий. И что? Ну, был. Ни грамма, никакого даже намека про свою религиозность в своих работах, абсолютно чистая, прозрачная логика. Для меня это вообще вещи очень личные. Вопрос в другом. Вот если говорить про философию, почему-то обязательно хотят ее поженить с религией. Вот это не обязательно. Это дело личное. Ну, веришь и веришь. В кого – это твои проблемы. Почему философию надо обязательно укоренять в религии? И в какой, смотри, религиозности? Вот про что речь-то идет? Про какого такого Бога? Про что здесь? В этом смысле мне кажется гораздо честнее пытаться говорить о человеке, как о человеке, живущем в этом мире. Но почему-то у всех почти сразу возникает желание, что почему-то о человеке надо говорить только в приставке с Богом.

Шевченко Л. В.: Почему, я могу объяснить. Я понимаю, когда Вы говорите «честнее», это то же самое, что сделал Бахтин, когда он действительно не стал богословскую тему подтягивать, но он ведь берет Достоевского из этой всей истории. Для меня, кстати, Шаламов... Я думала про это много раз. Знаете, почему он верующий для меня, в моем понимании? Именно потому, что он про это там, в произведениях, не говорил ничего, но сама его форма, сама его форма

литературная, она для меня свидетельство, потому что зачем бы человеку из вот этого ада писать?!

Смирнов С. А.: Ну потому что надо было с этим как-то жить.

Шевченко Л. В.: Вот именно, что как-то жить.

Смирнов С. А.: И Бог тут при чем. Он именно, попав в этот ад, чудесным образом оттуда вылез, выжил. Именно чудесным образом. Он в этом сам признавался. Я не знаю, говорит, как я выжил. И никакая сила воли не спасает. Дело не в этом. Но потом этот ад, он стал, так сказать, вырывать, выплевывать из себя, с кровью, слезами, – на бумагу. И понимать, что все не то, не то, не то. Про это нельзя говорить так, как Толстой. Нельзя, не то, не так. Поэтому и Пастернаку написал, что не так надо писать, и стал выделять в себе эту форму Колымского рассказа, но не потому, что он Бога искал, а потому, что не было сил выдержать этот ад, надо было на чистый лист это выложить.

И он, конечно же, снова переживал этот ад второй раз, но поиск формы, нужного слова, помог ему. Он знал, где правда, а где неправда. Он знал, где сразу вранье, а где нормально, где действительно сказано адекватно. И это помогло ему. Но Бог тут вообще ни при чем. Когда Солженицын подруливал к нему с неким Богом, то он ему так и ответил, – я не нуждаюсь в вашем Боге.

Шевченко Л. В.: Правильно.

Смирнов С. А.: Но Солженицын при этом тоже врал, никакой Бог ему не был нужен. Он заигрывал. Он мечтал о Ленинской премии, все выгадывал, дадут или не дадут...

Шевченко Л. В.: Я периодически читаю литературу, где что-то там нашумевшее, но я отслеживаю форму, что там говорят, кому премии дают, я не помню эти фамилии уже, есть сейчас такой жанр, как-то он даже называется отдельным словом, когда по сути весь роман посвящен теме утраты, про горе, про смерть, про смерть близких. Первую такую книжку я дочитала где-то до середины. Я вот думаю, что-то как-то оно не интересно.

Потом вторая тоже, она нашумевшая, ей дали какую-то премию. Я тоже читала-читала, и вот я подумала: странная история, они достаточно хорошим языком написано, они такие стилисты неплохие, пишут, выражают: кто-то умер, пишут про это горе. Человек говорит об этом, говорит, говорит; какая-то это чистая терапия, для них читатель нужен просто как свидетель. Там есть только горизонтальная плоскость, психология. А Шаламов (я тогда перечитывала его), Вы знаете, что ощущала... Что, ну конечно, это ад, но то, что кто-то это написал вот так, у кого-то есть такие силы писать об этом, но это уже не ад. Сама по себе фигура того автора, который так смог про это написать, для меня свидетельство, что там есть вертикальное измерение, оно совершенно другое, понимаете, это не просто про частное горе.

Смирнов С. А.: Да, у него уже некое просветление наступает...

Шевченко Л. В.: Ну вот, это свидетельство как раз...

Смирнов С. А.: Отстранение такое, естественно, да, уже....

Шевченко Л. В.: Ну, откуда бы это взялось, Сергей Алевтинович, если....

Смирнов С. А.: Да оттуда же....

Шевченко Л. В.: Ну вот, нет, когда Христос действительно говорит, он и переносит определенное отношение вертикальное в горизонталь. Как к Богу – так и к другому относись. Я сейчас утрирую, но в этом смысле он устраняет как бы

Бога, условно говоря, за скобки, его можно вынести, по-честному, и в этом смысле как Вы говорите, что зачем богословие привлекать. Но откуда возьмется вот это вот, когда мы переносим что мы переносим между друг другом?

Смирнов С. А.: Любовь.

Шевченко Л. В.: Откуда она возьмется?

Смирнов С. А.: Вот именно.

Шевченко Л. В.: Ни откуда, вот именно.

Смирнов С. А.: Да, ни откуда. Бог тут ни при чем. Чтобы любить человека, Бог не нужен, принимай другого как он есть.

Шевченко Л. В.: Ну ты же откуда-то появился, ты же не из себя эту любовь рождаешь.

Смирнов С. А.: А как мать любит дитя свое? Ни откуда не появилось. Любит и все, принимает как есть. Мужчина любит женщину, женщина любит мужчину. Мать свое дитя любит, отец – сына, какая разница. Бог тут совсем не обязателен. Когда один любит другого без оценок. Причем именно как другого. Или принятие правды, как она есть. Ведь Шаламов уже был пишущим, до войны писать начал. Он попал в ГУЛАГ, до этого был пишущим и претендовал на то, чтобы стать писателем. Стихи писал, посылал Пастернаку, любил его, обожал как поэта и так далее.

В 30-х годах у него уже была явленная, сформированная амбиция стать писателем. Потом ГУЛАГ. И две половины у него всегда жили, вот как пить дать. Ну это он даже говорил, что он был пребывающий в ГУЛАГе, но про это желающий потом сказать. И потом пошли эти рассказы.

Они же не сразу пошли, они же пошли в конце 50-х, по-моему, первые рассказы. Не сразу надо было прийти в себя. Но стихи были. Стихи, помнишь, поэтические опыты. Его тетрадка, которую он отправил Пастернаку. Он еще в ГУЛАГе был. Ну, в ГУЛАГе уже, расконвоированный, фельдшером в больничке.

Но уже это, так сказать, письмо, слово про это, оно у него рождалось, ему хотелось, потому что это его просто, как бы, натура толкала, он пишущий, другой не пишущий, а вот он такой, так он устроен, и поэтому это вылилось вот в этот соответствующий поиск. Если бы ему не давали писать, кстати, это и было, когда не публиковали. Ну да, но это другая история. Но то, что у него была жажда написать, потому что он пишущий, это нормально. Заметь, и Бог тут не нужен. Нужна Правда, как она есть.

Шевченко Л. В.: Это и есть Бог, но как бы, но про это можно не говорить.

Смирнов С. А.: Ну, да, это можешь тоже Богом назвать, Богом теперь называют что угодно.

Шевченко Л. В.: Ну как? А как ты до правды можешь дойти, как она есть? Где он, мир как есть?

Смирнов С. А.: А почему надо употреблять слово «Бог» в поиске правды, как она есть? Почему-то, как только ты его упоминаешь, тебе сразу на церковь покажут.

Шевченко Л. В.: Нет, ну пусть покажут, я же не с ними разговариваю. Знаете, сколько переговорила с такими людьми.

Смирнов С. А.: Мол, Бог там живет.

Шевченко Л. В.: Ну, где двое, трое во имя мое, там есть я. Ну вот же, это формула. Она же не про это, а как раз про другое, про «между».

Смирнов С. А.: Так, ну и?

Шевченко Л. В.: Господи, сейчас забыла какую-то мысль сказать. Да, принять мир такой, какой он есть. В этом смысле, какой он есть-то? Вот Шаламов, да, какой он есть мир принимал.

Смирнов С. А.: Да, какой есть.

Шевченко Л. В.: У него же форма-то родилась. Он же осилил эту форму.

Смирнов С. А.: Ну, осилил, ну, слава богу. Потому что не хотел врать, вот Солженицын стал сразу врать, все выгадывал, маневрировал, а Варлам не стал врать. Вот получились две биографии, хотя и тот, и другой прославились на теме ГУЛАГа. Ну да, но еще раз, я правильно тебя понял? Ты под Богом имеешь ввиду нечто сокровенное, некое принятие мира как есть, и это, собственно, и есть то, что заповедано Богом?

Шевченко Л. В.: Нет, ну как, я не знаю, что такое сокровенное для Вас.

Смирнов С. А.: Для меня это..., может, оно не очень сокровенное. Ну, правда, как есть. Ну, как в «Сталкере».

Шевченко Л. В.: Вот «принять мир» – для меня эта формула, она важна.

Смирнов С. А.: Важна, да, это принципиально.

Шевченко Л. В.: Потому что сколько ни разговариваешь с людьми, про какие-то сакральные темы, у них ведь, понимаете, что? Есть Бог или идея, неважно. Она где-то здесь, в голове, в абстракции, а здесь какая-то жизнь, в мире, и это не шибко соединено.

Смирнов С. А.: Не соединено, верующий обязательно править тебя начнет, как правильно надо. Они не принимают мир, как есть.

Шевченко Л. В.: Не принимают мир, как есть.

Смирнов С. А.: Они принимают с поправками, как они понимают, как должно. Так это вот по-другому. Вот они уже построены, вставлены в рамочку, да. Но все гораздо сложнее.

Шевченко Л. В.: Это как бы столкновение...

Смирнов С. А.: Принять и понять, как есть, да. Ну вот. Кстати, в этом смысле у Выготского, мне кажется, история его поисков, как ни странно, возможно, даже более драматична, потому что он почему-то, как-то так получилось, приняв марксизм, быстро и убежденно став марксистом, попал в тяжелую ситуацию. Его же просто корежило, когда его не считали настоящим марксистом. Мол, он неправильный такой марксист марксист. Он очень сильно переживал по этому поводу. Но ему надо было писать, как есть, не идеологизировать, а действительно строить новый Метод, новую науку, преодолевая идеологемы.

А у Бахтина... Бахтин был, как мне кажется, более свободный, над ним идеологема не висела. А у Выготского еще она была... Возможно, еще драматичнее получилось у него. А Михаил Михайлович, да, своя история поиска. Причем он сознательно не стал развивать первые свои работы, они сознательно остались черновиками, он понял, как он устроен, Метод, и Бог с ним, и пошел в модель романа. Ему уже не надо было ничего чистить, писать собрание сочинений. Он даже забыл про них. Это удивительно. Забыл. Просто забыл, реально забыл, что у него есть «Философия поступка».

Но работа на удивление сохранилась, рукопись, лежавшая в сундуке на чердаке в Саранске. А он забыл про нее. Но он же ее возил, он же ездил по городам. Сундук-то возил, сейчас сундук стоит в Центре Бахтина в Саранске.

Вот тот самый сундук. Очень интересно. Кустанай, Савелова, Кимры, Переделкино, Подмосковье, снова туда. Снова Саранск. Он несколько мест проживания поменял с 20-х годов. И этот сундук возил, и эта рукопись там лежала. А он про нее забыл. Это же удивительно. И в 70-е, в конце жизни Бочаров ему ее показывает. Так это моя философская антропология, говорит. Я забыл про нее. Она, оказывается, сохранилась. Поразительно!

Шевченко Л. В.: Нет, ну, может что-то и лежало такое, недоработанное, а он пошел дальше, дальше, дальше...

Смирнов С. А.: Так это его Начало, без него дальнейшее, что он написал, весь его Достоевский, не может быть понято. В общем, это, конечно, замечательное, чудесное спасение. Рукописи не горят!

Шевченко Л. В.: Знаете, как я вижу Ваш пафос, у Вас такой человек, он дерзкий, очень, даже если метод Бахтина, но вот эта дерзость... А в религиозном сознании ведь дерзость убирается. Чем? Она убирается тем, что не на мне мир держится, а на Боге. Я точно знаю, что на Боге держится, в этом смысле быть дерзким не обязательно. А у Вас он дерзость сохраняет, но при этой дерзости не понятно, как ее убрать, она же будет мешать, он все сам.

Смирнов С. А.: Детскость?

Шевченко Л. В.: Ну и так можно, да.

Смирнов С. А.: Наоборот, помогает. Пардон, Христос тоже говорил. Царство мое, понятнее ребенку, чем взрослому. Гораздо понятнее, потому что это вот он, мир как есть, люби его и ничего не надо с ним делать, не исправляй и принимай как есть. Детское отношение. Настоящий мужчина – взрослый мальчик. То есть, это принятие мира, вот такого. Имей в этом смысле мужество принимать его, как есть. Но это нормально, как раз помогает. Убрать у себя вот эту квасную взрослость, вот это все самолюбие, гордыню, это же очень квази-взрослые отношения, а у детскости другое, если детство понимать как принятие мира таким, какой он есть, в любви и без оценок, то это нормально.

А дальше начинаются испытания, начинается взросление, но при этом взрослении, если человек не теряет непосредственное восприятие мира, то как раз нормально, это все помогает. Если человек хочет забыть детство, то это как раз плохо. Память детства, первые радости. Детство – это такое состояние, которое позволяет тебе всякий раз начинать новый праздник возрождения в чистом виде. Это позволяет тебе снова начинать с чистого листа, на сотый раз перечитывать, на сотый раз передумывать, не бояться, что все хреново, что тебя обзовут, обзовут кем-то или чем-то, подножку подставят, в спину ударят. Да, это наивность какая-то, если внешне наблюдать, да, это какая-то вот такая странная, возможно рискованная излишняя открытость, но все равно на другой-то чаше весов все гораздо серьезнее.

Шевченко Л. В.: Вот, допустим, метафора возрождения, я понимаю, когда в «Горизонтах онтогенеза» у Бориса Даниловича Эльконина говорится, что ты как бы начало привносишь в этот мир, вводит метафору живого. Вот та граница, которая формируется, она тебе должна позволять быть живым, нужна честность некая, чувствовать себя, чувствовать во вне, внешние, внутренние перцепции. Тогда так спрошу. Мы имеем метафору возрождения, а как Вы можете понять метафору или символ воскресения? Помните, у Пастернака было такое выражение: мы уже воскресли. Мы уже воскресли. Как можно сравнить эти две метафоры, в чем она, в чем разница?

Смирнов С. А.: Если честно, это не мой язык. Я не знаю, что такое воскреснуть. Это же из того языка.

Шевченко Л. В.: Ну, из того.

Смирнов С. А.: Из того.

Шевченко Л. В.: Преображение, допустим.

Смирнов С. А.: Да, в нашем языке эти слова, конечно, бытуют, они используются иной раз достаточно вольно: «вот я снова воскрес» – вышел человек из больницы. «Я воскрес», можно подумать, что воскрес. Просто здоровый стал, слава богу, от болезни вылечился. Он говорит, я воскрес, ну, хорошо, воскрес. Мы это принимаем как привычное слово, не загружая его лишним сакральным смыслом, но имеем ввиду, что просто излечился, возродился, восстановился, это все синонимы. Воскрес же только Христос, по той версии, по той логике. Человек не воскресает. Возродиться может, когда выйдет из тяжелого состояния, когда действительно, например, я не знаю, алкоголизмом страдал, а потом вернулся фактически из того мира. Он реально возродился, потому что вся его архитектоника личностная перестроилась, в этом смысле можно говорить о его возрождении. Сознание поменялось, да, можно возродиться, потому что вся его ментальность поменялась.

Но это возрождение, а про воскресенье я не знаю. Вроде бы это из другого словаря, относится к другому миру. Причем, к тому, который принят там, в той парадигме. Для меня Христос не воскрес. Он был, человек, его потом убили, и все, убили его.

Шевченко Л. В.: Слушайте, Сергей Алевтинович, я вот как филолог на самом деле к вере пришла, а не вот так, как прихожане, исполняя обряды, ходят в церковь. Я как филолог пришла, знаете почему? Потому что я точно могу сказать, что такого не придумаешь. То, что и в Ветхом Завете, и в Новом, это невозможно придумать.

Смирнов С. А.: Правильно, была реальная история жизни и смерти Христа.

Шевченко Л. В.: Так, извините, и в деяниях апостолов, разве это придумаешь?

Смирнов С. А.: Нет, были ученики, нет проблем. Кто спорит? Были реальные люди, реальные его ученики. Ну и что?

Шевченко Л. В.: Но ученики много где были. Понимаете, вот эти индусы, ну это же как любой нарратив рождается.

Смирнов С. А.: Была реальная история. И по поводу этой истории, конечно, наворочено Бог знает сколько. Да. В том числе небылиц, сплетен, сказок, мифов. И вот в ней надо выколупывать то, что было реально, и почему-то она именно такая. И то, что там потом наслоилось за две тысячи лет. Конечно, наслоилось много чего, напридумывали. Вплоть до того..., ну, сколько там раз пытались доказать бытие Бога, и все не получается никак. Семь раз? В итоге Кант тоже сказал, нет, доказать бытие Бога невозможно. Идея Бога, да, как идея, да, в пределах разума, это нормально. А бытия Бога нет, Бога-субстанции нет, не докажешь. А верить – пожалуйста. Это другое.

Шевченко Л. В.: Ладно, нет. Да я не верю в его субстанцию. Я не знаю, что это такое. Не думаю я туда.

Смирнов С. А.: Я тоже не думаю.

Шевченко Л. В.: Я думаю немножко по-другому.

Смирнов С. А.: А если по-другому, зачем Он тебе? Или еще раз, наоборот. Извини. Если ты веришь в Него, то Он кто?

Шевченко Л. В.: Ну, автор.

Смирнов С. А.: Чего?

Шевченко Л. В.: Автор мира.

Смирнов С. А.: Он сидел там и запустил рычаг?

Шевченко Л. В.: Что-то типа того.

Смирнов С. А.: Это мир. Мир, сам себя родивший. Почему надо персонализировать его создателя?

Шевченко Л. В.: Ну вот серьезно, я могу Вам привести конкретный эмпирический пример, когда у меня случилось, допустим, «принять мир, какой он есть». У меня была беда со старшей дочерью, страшная проблема. И вот я, когда уже была в таком состоянии, неадекватном, в состоянии аффекта... Я ее искала, она ушла из дома. И знаете, на чем я себя поймала? Я поймала себя на проговаривании фразы: «Как же я буду с этим жить?», «Как я дальше буду с этим жить?». Я поняла, что то, что мне открылось – несовместимо с моей картиной мира и я не могу этого принять. Я остановилась на этой фразе, и подумала, а кто это говорит? Смотрите, это же фраза....

Смирнов С. А.: Ты и говоришь....

Шевченко Л. В.: Нет, это фраза человека, который не принимает что-то очень страшное, но он говорит: «Нет, я это не могу, то есть я не хочу с этим жить, я не знаю, как с этим жить, я не хочу жить». То есть, вот мир вокруг – разный, и страшный в том числе, а тут кто-то говорит: вот с этим я жить не буду.

Вот эта рефлексия фразы показала, что ведь не ты Бог, который задает систему координат. Бог есть, и в этом смысле я не знаю, кто Он, я никогда не рассуждаю про идею Бога и про субстанцию и так далее. Я сейчас иллюстрирую, как я его понимаю. В этом поступке, в этом событии. Я больше такой фразы не сказала. Я сказала себе: слушай, а ты кто такая, что тебе тут, в божьем мире, не может быть жить? Мне вспомнился, кстати, и Иван Карамазов, отдающий входной билет, это ведь его реплика... и иже с ним. И сразу отрезвило меня, нормально стало. Смирилась.

Смирнов С. А.: Ну и нашла в себе силу.

Шевченко Л. В.: Ну силу-то нашла.

Смирнов С. А.: Ну и молодец.

Шевченко Л. В.: Это связано с моей верой в том числе, понимаете?

Смирнов С. А.: Да с твоим поиском опоры. И она построила твою личность.

Шевченко Л. В.: Это то же самое.

Смирнов С. А.: Почему – то же самое? Это твоя личность и молодец, ты ее отстроила. Нашла стержень, опору, слова нужные.

Шевченко Л. В.: Вот смотрите, я точно понимаю, почему я это слово анализировала. «Как я с этим буду жить?»

Смирнов С. А.: С этим, с чем?

Шевченко Л. В.: С этой бедой, которая у меня случилась.

Смирнов С. А.: Преодолеешь, любя дочь свою.

Шевченко Л. В.: Но это вот мы сейчас говорим фразами. А ведь важно понимать, как такое возможно?

Смирнов С. А.: Был же поиск опоры. Был муж, была дочь. Второй дочери еще не было?

Шевченко Л. В.: Дело даже не в этом.

Смирнов С. А.: Разве не в этом?

Шевченко Л. В.: За этим у меня есть, понимаете, система координат, вот за этим действием с этой фразой. Вот у Генисаретского есть один спектакль, не видели?

Смирнов С. А.: Где он сам играл? Театр одного актера?

Шевченко Л. В.: Да, не видели?

Смирнов С. А.: Да видел, он его показывал в Нижнекамске.

Шевченко Л. В.: Там есть момент, когда у героя некий мистический опыт, и какой-то голос что-то начал говорить. Там ему сказали про философию что-то страшное, плохое. И тут герой вдруг спрашивает: «А кто говорит»? А кто это говорит? Ну и все исчезло куда-то. А мог бы довериться этому голосу сразу.

Смирнов С. А.: Не знаю, у Олега Игоревича это все, по-моему, театральный выпендрож был. Ну, Бог с ним.

Шевченко Л. В.: Ну, это тоже не придумашь, эти детали. Но суть-то в том, что принять этот мир, какой он есть, это же, действительно, мужество, имеющее некую систему координат.

Смирнов С. А.: Ну, мужество, да. Ты нашла в себе силы...

Шевченко Л. В.: Но это уже психологическое объяснение. Конечно, я против него не спорю. Но для меня так же Шаламов. Вот он же где-то, где-то и нашел эту форму. А эта форма очень мужественная.

Смирнов С. А.: Искал, да. Но у него была очень простая проверка. Вот был реальный ГУЛАГ, где он сам был. И вот как про это рассказать? Поэтому он имел, можно сказать, жесткие критерии, где он начнет врать, а где он скажет точно. И все, и он отсеивал шелуху всякую...

Шевченко Л. В.: А какой у него критерий был? Как он это отсеивал?

Смирнов С. А.: Ну как, когда он писал рассказ, то пробовал его на язык, на вкус, на небо, на глаз. Он же так и писал: «я кровью харкал, когда писал рассказы, у меня слезы лились. Я второй раз ГУЛАГ переживал», потому что он чувствовал, как бы он имел вот это чувствилище, которое позволяло ему сравнивать фразы и то, как он говорит, они про правду или это опять начинается толстовство и так далее. И тогда проверял, проверял, проверял. Была проверка. У него был реальный опыт, который накладывался на то, что он писал. Без всяких придумок. И у тебя было чувство правды. Куда еще надо призывать? Для этого не надо Бога призывать, ты просто призвала другого своего я, своего автора, который уже пестует, как в любом человеке.

Шевченко Л. В.: Это человек становится автором своей жизни, это же ваша фраза.

Смирнов С. А.: Да, и при чем здесь Бог?

Шевченко Л. В.: Ну это оттуда.

Смирнов С. А.: Хорошо, автор, ты написала фразу и ...

Шевченко Л. В.: Получается, что для Вас богословие чем неприемлемо? Тем, что нет никакого трансформатора богословия в философию, получается так?

Смирнов С. А.: Для того чтобы искать человека в человеке, богословие не обязательно. Ты можешь идти туда, но для меня оно не обязательно.

Кто-то идет, кто-то не идет, как и в литературе. Правда человека – вот она здесь, в этом мире. Почему человека как есть надо понимать, обязательно увязывая его место с Богом. А почему не через человека же, только другого, который блуждает, пестуется и так далее. То есть необходима, конечно, духовная работа, не спору.

Кстати, вот, например, М. К. Мамардашвили, который тоже про событийность много думал, он не сильно увлекается божественной тематикой. У него это иногда бывает, по-моему, не выше, чем метафора, но он в нем тоже не нуждается. Но другая работа какая-то, сугубо философская, чисто философская нужна. А Г.П. Щедровицкий! О, мощь какая, сам себя слепил, причем, убежденный коммунист.

Но коммунист, опять же, в том исходном смысле, как первые христиане-бродяги, которых на костре римляне-язычники сжигали, как проводник справедливости, как борец за правду, за что его и били. Также не нуждался ни в каком богоискательстве. Жестко, гораздо честнее, чем иной богослов.

Шевченко Л. В.: Тогда у меня такой вопрос на полях, просто любопытно. Вот смотрите, вот допустим, поскольку Вы же всего Хоружего читали, и «Феноменологию аскезы», где он описывает опыт исихастский: благодать, определенные дары, Фаворский свет, ну то есть всю систему...

Смирнов С. А.: Ну весь его словарь, брань сердечная и прочее, весь органон....

Шевченко Л. В.: Вот это как Вы можете характеризовать, эти вещи они откуда берутся?

Смирнов С. А.: Он же ее взял из религиозной традиции.

Шевченко Л. В.: Ну как он взял?

Смирнов С. А.: Ну так взял, он знал великолепно труды отцов церкви.

Шевченко Л. В.: У меня вопрос по-детски, смотрите, как Вы тогда к Фаворскому Свету относитесь? Вот у кого-то он там же есть, случается.

Смирнов С. А.: Никак.

Шевченко Л. В.: «Это неправда»? «Этого нет»?

Смирнов С. А.: Ну для меня нет, я не знаю, что это такое. Может для кого-то есть.

Шевченко Л. В.: Исходя из тех же трудов святоотеческой литературы...

Смирнов С. А.: Нет, это не прост из трудов, это же по мистический опыт.

Шевченко Л. В.: Мистический?

Смирнов С. А.: Да.

Шевченко Л. В.: То есть это имеет мистическую природу какую-то?

Смирнов С. А.: Ну это у них, я не знаю. Ну мне, конечно, скажут, ну ты, знаешь, парень еще не созрел, ты лбом не бился, не молился, вот у тебя ничего и не было, да? У них свои сразу аргументы. Ну, а почему...

Шевченко Л. В.: У меня вопросы, говорю, детские, просто детские.

Смирнов С. А.: Ну, нету. Я и не знаю, что это такое. Я не могу судить об этом. Свет Фаворский. Тут же по-человечески понятно, когда просто видишь человека преображенного, возрожденного, но без всякой мистики, когда он просто начинает пестовать в себе личностное начало и по-другому относиться к себе, и без обращения к мистическому опыту, он действительно меняется, у него лицо меняется, походка, взгляд, отношения, интонация, слова, где он

действительно перерождается. Но здесь в этом нет нечего мистического, это нормальная личностная работа. И это даже можно описать, что называется, через всякие практики овладения собой, преобразования.

Но другое дело то, что по этому поводу не построишь никакой теории личности. Что значит «строить личность»? Все ерунда. Но показать этот опыт, да, это возможно. Кстати, смотри, другой пример, если психологию брать. Ф. Е. Василюк, который сопрягал психологию и психотерапию, и обязательно религиозную практику, он был поклонник синергичной антропологии. У него это было вплотную, и он терапию сопрягал с молитвенной практикой. У него так получилось. Хороший автор. Ну вот у него такой опыт. Но, опять же, что обязательно.

Это очень сильный соблазн, когда на каких-нибудь примерах чудесного исцеления, когда никакие врачи не справлялись, и тут вдруг вот человек встал, пошел, о, значит, есть Бог на свете. Фигня! Ну, так ведь? Понимаешь, когда вот эти вот необъяснимые вещи называют чудом, и все, значит, вот Бог спас и так далее, полная ерунда.

Шевченко Л. В.: Нет, Сергей Алевтинович, Вы смотрите, куда я клоню-то? Я клоню к тому, что где-то там в человеке, когда Вы говорите «пестуется личность»... Ну та же молитва – когда ты обращаешься куда-то, но не в строгом смысле опять-таки как религиозная, вот эта холера: технологии, практики, техники, а в смысле обращения к какому-то другому, когда у тебя нет никаких инструментов других, это у тебя предельный инструмент, она не в смысле молитвы из молитвенника, ну, каким словом здесь можно еще назвать... Для меня стихотворения некоторые Шаламова, они же – молитва. Это ритм, который тебе дышать позволяет.

Смирнов С. А.: Да, это духовная работа, которую человек проделывает, да, согласен. Я же про антропопрактики заботы и говорю, у них огромный репертуар. Замечательно, они нужны, и они делаются. Да, это просто духовные практики. Возделывание в себе личностных структур, начал, которых у тебя нет и быть не может от рождения, это как раз и нормально, а там насколько ты честно их делаешь... В этом смысле я согласен, стихи Шаламова даже трудно назвать стихами, это вот какой-то такой, действительно, вариант медитации, если употреблять такое слово, то есть какой-то такой вариант духовного сосредоточения, ну, да. Это не то, что обычно пишет поэт и помещает в очередной сборничек. Нет, это про другое. Исходно они для другого создавались.

Поэтому, с точки зрения филологии, они немного корявые и неправильные. И они не могут быть идеальными по эстетической форме, это не обязательно. Поэтому, Лара, скажу честно, вообще-то одиноко. Потому что вот они давно уже были, Бахтин и Выготский, Эльконин помер, Хоружий помер. Ну, там еще ряд имен... Одиноко. Где-то, наверно, Георгий Петрович был прав, когда пытался Мераба обратить в свою, так сказать, религию, условно говоря. К нему приезжал, говорит, давай с нами, а Мераб его отшил: «Отвали, я не коллективный, я в эти игры не играю, строю ходить не умею, я лучше один». И он был все время один. А ГП был нужен отряд, он по-другому не мыслит.

Шевченко Л. В.: Ну как одиноко?

Смирнов С. А.: Мераб абсолютно был одинок. Метафизически.

Шевченко Л. В.: Когда ты видишь определенное признание...

Смирнов С. А.: Да где было признание? Никакого признания при жизни у него не было. Эти коллеги из Института философии просто врут, мол, мы его все любили... Как же, любили они его! Когда «Классический и неклассический идеалы рациональности» он хотел издать, они его зарубили. Эрик Соловьев, весь из себя друг, критические замечания написал, и все, его не пропустили. Не был он признан вообще никак, был маргиналом для них. В итоге выдавили, уехал в свою Грузию. И был только друг во Франции, с которым он мог честно говорить. Друзей не было.

Шевченко Л. В.: Слушайте, но кто уж одинок, это Э. В. Ильенков, наверное.

Смирнов С. А.: Нет, здесь, конечно, все сложнее. Мераб, конечно же, говорил, что одиночество полезно, плодотворно, философ должен быть одиноким, но в этом есть определенная недоговоренность, недосказанность, как бы, не лукавство, нет. Конечно, он был честен, но без лица, понимающего тебя, без собеседника плохо.

А Ильенков, да, Ильенков был тоже одинок. Но он-то был устроен по-другому все же, он все-таки участвовал в разных проектах. Гениальный проект был в Загорске (ныне Сергиев Посад), просто шикарный, посвященный работе со слепоглухонемыми детьми, вместе с Мещеряковым, но в итоге не выдержал. Да, он был одинок, хотя тоже убежденный коммунист. Но все эти одиночники, они друг друга-то тоже ведь не принимали и не слышали. Они потом рассыпались и каждый монадой такой гулял. Ну, ГП отряд свой собрал, а эти монады остались. А. А. Зиновьев тоже такая же монада. Но при этом вместо того, чтобы перекликаться друг с другом, и видеть в другом разницу, и радоваться этому, они почему-то так не делали. Они не радовались разнице и не обогащали этим друг друга.

Шевченко Л. В.: Но времена такие еще были. Мне кажется, тут еще время важный фактор.

Смирнов С. А.: Вот, например. Мне очень нравится общаться с Ф. И. Гиренком. Он совсем другой. Но мне интересно с ним. Интересный мужик, живой. Понимаешь? Нет, не академический, хотя и заведует кафедрой, щеки не надувает, хотя, конечно, он теперь немножко стал бронзоветь. Обставил себя последователями, там на факультете сплошные все гиренковцы, это понятно. Но он сам начинал хорошо, интересно, при этом абсолютно был на ножах с Хоружим. Но интересный мужик. В этом смысле, радоваться надо, что есть такие пульсирующие точки. А их-то не так много.

Шевченко Л. В.: Еще я хотела Вам задать вопрос. Вот смотрите, про Тыщенко Вашего, вот он был такой марксист, да?

Смирнов С. А.: Да, да.

Шевченко Л. В.: А потом, Вы говорите, он в соционику ушел в финале.

Смирнов С. А.: Ужас какой-то.

Шевченко Л. В.: А почему? Почему? Смотрите, сама логика какова, почему так может быть?

Смирнов С. А.: Есть у меня версия. Да, это такая трагедия ухода. Когда я впервые его увидел, мне было интересно еще почему. Он тебя вводил в контекст. На лекциях в пед, на конференциях, на кружке, он всегда приносил целый портфель книжек. Читает лекцию, а там набор имен, буквально на каждый тезис – книга, вот так вертикально ставит на стол. И в течение лекции у него весь стол в книжках. Ну это же здорово, в этом смысле, что он...

Шевченко Л. В.: Это тоже честность, добросовестность-же?

Смирнов С. А.: Да, молодец, просто он тут тебе книжки принесет и покажет. Заметь, а чем дальше, тем больше, но в итоге начинаешь терять самого лектора, потому что вот он обставляется этим контекстом, как-то своей ниткой их связывает, но не всегда аккуратно, но в любом случае интересно, но чем дальше, тем больше собиралась вот эта генеральная коллекция, десятки и сотни имен.

И мне кажется, что он изначально был так устроен, что ему надо было сделать какую-то генеральную коллекцию, свою таблицу Менделеева, и не только философии, но и мировой культуры. Ну, хорошо, напиши свое собрание сочинений, как у Канта, в семи томах, но свое, да.

Но как-то вот, когда-то однажды, познакомившись с социониками, он увидел у них тот метод, с помощью которого можно соединить теперь все эти имена.

Шевченко Л. В.: Да!? С помощью соционики?

Смирнов С. А.: Да, потому что там же типы. Декарт такой тип, Толстой такой тип, Шаламов такой. Они все вычисляются.

Шевченко Л. В.: Они же не соединяются, они просто характеризуются.

Смирнов С. А.: Почему не соединяются? Там свой тип коммуникации. Этот тип с этим типом. Именно поэтому, например, Толстой не любил Достоевского и наоборот, потому что вот такие психотипы, ну и так далее.

Шевченко Л. В.: Мне кажется фикция по поводу соционики.

Смирнов С. А.: Неважно, но он же в это искренне поверил в это и туда пошел. И начинает выстраиваться вся эта генеральная коллекция, но действительно странным образом, содержание уходит на второй план, а на первый план выходят внешние признаки типов. Он же их вычислял, причем сюда еще присовокупил и космогонию с астролябией со звездами. Все в этот гибрид у него складывался и разговоры в итоге превращались в то, чтобы не про содержание говорить, а про то какой, кто какой тип и кто с каким типом как взаимодействует. И все, он получил генеральную коллекцию. Она у него выстроилась. Любой тип, вот приходишь к нему, начинаешь рассказывать, а он: «Так, давайте я посчитаю, какой он тип». Вместо того, чтобы содержание обсуждать: «Давай, так, ну-ка, а ты там у меня какой тип. Твой день рождения? И делает вывод – мол, понятно, почему Смирнов с Тыщенко не дружат. У них типы такие.

Шевченко Л. В.: Смотрите, меня больше всего в этой истории поразило, что человек, который мыслитель, пошел в соционику. Она как раз про описание, она объективирует человека. Это способ объективации. У меня вот это не стыкуется.

Смирнов С. А.: Потому что у соционики другие задачи были, они совершенно не нуждались в содержании, им надо было объяснить психотехники коммуникаций и все. То есть, как взаимодействовать с другими, на этой основе выстраивать коммуникацию, консультации вести по поводу этого. Вплоть до того, как класс рассадить с учетом социотипов. Еще полшага – и все, ты выходишь на бизнес консалтинг.

Шевченко Л. В.: Ну, и как на работу брать.

Смирнов С. А.: Да, как на работу брать, как коллектив формировать. Все. Зачем им содержание? А вот он взял это как метод для собирания коллекции.

Шевченко Л. В.: Я вспоминаю вот эта Ваша история, когда Вы рассказали про Тыщенко и О. А. Казанского. Она показательная, да, очень сильная ситуация с точки зрения выбора Вашего.

Смирнов С. А.: Ну, я-то что, я брал у всех все, что было мне интересно, что задевало, звало. Я-то хватал. Я же событийщик.

Шевченко Л. В.: Ну так все равно там разного качества события.

Смирнов С. А.: Разные события.

Шевченко Л. В.: События, мысли.

Смирнов С. А.: Да, да, да и личности как события тоже разные. Поэтому брал Казанского, Тыщенко брал, как и всех остальных. Ну да. Поэтому я и перестал Петровича понимать, когда он закрылся этим забралом соционики и перестал быть понятным, открытым к содержанию. Поэтому мы перестали друг друга понимать. Это была драма. В этом смысле, да, уход, можно говорить, что уход его из содержания и потеря себя. Потому что драматично же это. Человек, знавший в оригинале И. Канта, досконально Г. В. Ф. Гегеля и весь «Капитал» К. Маркса, а тут вдруг соционика, понимаешь? Это трагедия. Мог бы такие вещи сваять. Хотя, повторяю, наверное, что-то мешало ему идти в содержание.

У меня же несколько папок его дневников. Он каждый день вел дневник, искал-искал-искал, чего и как. Там, конечно, много марксизма, но неважно. Искал-искал, как философию нормальную выстраивать. Причем начало у него такое же, как у тех москвичей. Абсолютно такое же. Также с Маркса начал. Но вот потом свалился. Хорошо, что у него была еще дружба с филологами, и это помогало. Но потом ушел в соционику. Да, это уход.

Шевченко Л. В.: Еще вопрос про Вашу деятельность. Расскажите, а в какой форме Вы делали гуманитарную экспертизу в лицее? Как это выглядит? Вас слушают? Как это берут? Что берут? Я почему спрашиваю, смотрите, у нас же айтишный ВУЗ (ТУСУР) и нас теперь как гуманитариев толкают, мы там уже столько грантов там понаписали, к нам обратились как к гуманитариям, первый раз за всю вообще жизнь.

Смирнов С. А.: Интересно, и что запросили?

Шевченко Л. В.: Да что запросили, запросили нечто, исходя из ситуации вообще в стране, «что-нибудь» запросили.

Смирнов С. А.: А что запросили-то? Конкретно?

Шевченко Л. В.: Нет, конкретного запроса никакого не было. Запросы были только на уровне того, что есть же какие-то ходы, как они сейчас обозначены у нас, духовная ДНК, вот это вот, помните?

Смирнов С. А.: Есть такая программа ДНК, федеральная.

Шевченко Л. В.: Ну, это программа, да. Они говорят, вы же что-то в этом, наверное, понимать должны.

Смирнов С. А.: В чем? В ДНК?

Шевченко Л. В.: В ДНК. Ну там как? ДНК-то расшифровывается. Духовно-нравственные компетенции. ДНК, да. А по сути-то ведь они же айтишники, это у нас основное. Инженеры, которых нигде сейчас не набрать, никто физику не знает. И я почему спрашиваю? Я спрашиваю, потому что я, допустим, своим говорю, давайте разрабатывать что-то серьезное, что можно айтишникам предложить, как вариант гуманитарного содержания.

Смирнов С. А.: Если айтишники готовы на это.

Шевченко Л. В.: Они не готовы пока.

Смирнов С. А.: Но предложить можно. У нас ситуация была очень простая. В лицее все было понятно сразу, там же учителя. Есть реальная практика использования цифровых образовательных платформ в школе. Яндекс-платформа, Учи.ру, Сберкласс, много всего уже есть. Задача очень простая: разобрать ресурсы этой платформы в практике обучения, выявить риски и новые возможности, как это влияет на ребенка, на его развитие. Что делать учителю, где границы использования платформы – это первое. Второе – какую позицию учителю надо вырабатывать относительно отношения ко всем разным гаджетам.

Во-первых, платформы – это понятно, они просто уже используются, надо понять их ресурс. А во-вторых, есть уже реальная повседневность вокруг этого приказа несчастного о запрете гаджетов на уроках. К этому надо как-то предметно относиться. Запретить легко, но это же не решение. А вообще, ребенок и цифра – это про что? Что с ним происходит? Про это надо как-то говорить. Учителя нуждаются в этом и родители тоже, кстати.

Тогда по этому поводу проводятся семинары, включая экспертизу, то есть оценка роли цифры в обучении, оценка последствий, рисков и возможностей. В том числе и на реальных уроках. Учитель проводит урок с помощью использования гаджета или цифровой образовательной платформы, мы этот урок сценируем вместе с учителем, создаем ситуации, провоцирующие ребенка или не провоцирующие. Сравниваем: вот работает с гаджетом, а вот работает не с гаджетом. Вот платформа такое задание дает, а вот такое. И потом рефлексируем и смотрим, где плюсы, минусы, где границы использования цифры на уроках при обучении. У учителя возникает уже некоторое понимание, потому что этого в школе в системном виде просто нет.

Шевченко Л. В.: В каком виде Вы даете им этот экран, вот эти экспертизы? То есть Вы семинары проводите?

Смирнов С. А.: Семинары, потом рефлексия, а до этого целый список вопросов про гуманитарные риски и гуманитарные возможности для ребенка, родителя и учителя при использовании гаджета на уроках, дома, на домашних заданиях. Три позиции и разводка: гуманитарные риски, гуманитарные возможности, родители, ученик, учитель.

Это в школе, здесь все примерно понятно, потому что там есть просто жесткая рамка. Во-первых, это дети, во-вторых, это школа, обучение, там все понятно. Есть реальный интерес родителя, хотя сумасшедшие есть, но есть просто здравый смысл, который позволяет не свалиться в крайности.

Что касается айтишников, например, то в нархозе сложнее, там ситуация заключается в том, что мы, естественно, обсуждали реальные проекты, ай-тишные, например, колл-центр для абитуриентов, чат-бот для абитуриентов. Абитуриенты заходят на сайт и задают вопросы, им отвечает бот. Тогда целый список вопросов. Какие вопросы там алгоритмизируются, как вопросы задавать, как отвечать, как соединяются вопросы-ответы.

Там сразу же вылезает вся проблематика языковая, лингвистическая, речь, слово. Почему это, почему не это? Почему чат-бот так отвечает, почему не так? И когда ты, разработчик, создаешь чат-бот, ты какой портрет абитуриента себе рисуешь? Ты его видишь, не видишь? Почему такие вопросы, поче-

му такие? И здесь проблема. В том-то и дело, что айтишники человека в своих разработках не видят.

Шевченко Л. В.: У меня был этот опыт. Я же летом работала в приемной комиссии, набирала абитуриентов. И я поняла на каком-то моменте, что важно делать. Они же сейчас все онлайн в основном подают документы, сейчас же мало с кем ты видишься лицом к лицу. Я стала рассылать личные сообщения, то есть не просто безличные фразы информационные, нет, я прямо лично обращалась, слова подбирала, чувствовала, чтоб они не фальшивые были. И часть ребят приехали к нам, потому что отреагировали на эти личные сообщения. И в итоге я очень сильно потом переживала. В общем, я набрала сильную группу.

Смирнов С. А.: Молодец. Персональный отбор.

Шевченко Л. В.: Да, я поняла это позже. Я весь сентябрь мучилась невероятно. Я за них переживала, потому что это моя ответственность. Все-таки именно я их вовлекала в эту систему и что-то обещала, что в общем-то не от меня зависит, все качество образования. Но, знаете, полгода прошло, я на них смотрю: во-первых, это моя любимая группа, во-вторых, когда я с ними встречаюсь, для меня это просто радость. Я прямо так для себя характеризую. Я думаю, а ведь, представляете, это получилось за счет личного общения, да?

Смирнов С. А.: С самого начала, да.

Шевченко Л. В.: С самого начала, да.

Смирнов С. А.: Ты их подбирала, ты искала нужные слова, ты их приглашала, мотивировала.

Шевченко Л. В.: Да, и многие не отреагировали, а кто отреагировал, те стали костяком вот этой группы.

Смирнов С. А.: Кто отреагировал, вот именно, да. Услышали, почувствовали.

Шевченко Л. В.: Я сейчас к ним прихожу и у меня есть резонанс с ними.

Смирнов С. А.: Более того, думаю, что это вообще было на невербальном уровне, может быть, на интонированном уровне.

Шевченко Л. В.: Но они другие, понимаете, они совсем другие. И все видят, что группа другая набралась.

Смирнов С. А.: Живые. Живые, восприимчивые, открытые. Здорово. Таких как раз тоже не так много. Набирают роботы, учатся роботы, проверяют роботы. То есть алгоритмизация, она началась до IT. Когда алгоритмизируется функциональная машина, получай функциональное устройство. А вот когда так, то это здорово. Так вот, разработчики чат-ботов, они как раз этого главного и не видят. Более того, они готовы допустить, что можно алгоритмизировать еще и этот процесс. То есть какие-то личностные вещи, этические вещи, моральные нормы убираются.

Шевченко Л. В.: Вот у меня один студент есть, курсовик пишет, мы сейчас на диплом выходим, он исследовал дейтинг-стратегии, дейтинг-приложения, как меняются романтические отношения, когда человек начинает использовать дейтинг приложение. Там вообще интересно. Ты практически становишься набором неких качеств и функций. Но для меня знаете, что интересно стало, вот фактически человек, включенный в интимных отношениях даже в экономическую логику, в алгоритм, и человек уже сам себя осознает в отношениях как принципиально отдельного, частного. В отношениях, в романтических!

Для него нет цельности двоих, единичность, частность для него онтологична. Для уже двоих нет, вот как. Даже у Бахтина, по-моему, где-то есть мысль, что не один является основой, а два. У них нет этого. Они уже абсолютно автономные.

Смирнов С. А.: Такие атомы, да. Ну, потом побьются, обчешутся.

Шевченко Л. В.: Когда они обчешутся, если они уже взрослые, как Вы понимаете, ну, как?

Смирнов С. А.: Ну, как, вот и будут биться и обчесываться друг о друга. Житуха-то заставит.

Шевченко Л. В.: Я вот уже не уверена, что кого-то заставит.

Смирнов С. А.: Ну как, мордой об стол получит. Это другое дело. То, что можно, конечно, было и по-другому, но да, это, к сожалению, тренд, а эта штука, цифра, провоцирует на это, на такую монадность, сильно провоцирует.

Шевченко Л. В.: Там еще игровой принцип есть, плюс оптимизация.

Смирнов С. А.: Так, а сценарий оттуда тащится сюда. Но если бы, как Лотман писал, «Декабрист в повседневной жизни». Одно дело, когда декабристы сценируют свою жизнь. И из романов – в жизнь, и наоборот. Да, и Пушкин сценировал свою дуэль. Но это одно. Они тем самым устраивали свою жизнь как произведение, но там было богатое содержание. Другое дело, здесь, они сценируют свою жизнь по примеру вот этих примитивных скриптов. Они же не сценируют свою жизнь по Онегину.

Шевченко Л. В.: Они его не знают.

Смирнов С. А.: Вот тогда важная задачка этим разработчикам. Надо поставить другую задачку: ты сценарий другой заложил туда – поинтересней, и пусть он берет, только другой скрипт. Я думаю, что не избежать этого всего уже, это реальность. Но тогда надо менять контент. Они все равно там живут, в виртуале, и будут брать оттуда, из виртуала, образцы, это уже идет и давно. Но надо тогда образцы соответствующие туда закладывать. Это же в твоих руках.

Шевченко Л. В.: Ага, образцы соответствующие... Нет.

Смирнов С. А.: А он, разработчик, не будет брать. Он сам не образован и не умеет. Я к тому, что вот проблема, но это все равно придет, когда они сами мордой об стол стукнутся, когда они поймут, что там неэффективно, не продается, не берется.

Шевченко Л. В.: Повысить рождаемость на сколько-то процентов, нам говорят, к 2030 году. Может, это заставит их сценарий сменить? Я шутила со своими. Студент говорит: «А как про актуальность писать»? Я говорю: «Ты что, не слышишь, что надо демографию повышать? Вот так и пиши актуальность исследования».

Смирнов С. А.: Это да. Это как раз гуманитарная экспертиза, она имеет цель свою не просто оценку, а, фактически, вместе с разработчиком прийти к необходимости, что, если ты добавишь в свой проект антропологию, ты тем самым будешь более успешным. То есть в этом задачка. Она отличается от этической экспертизы, которая просто проверяет на предмет вторжения – не вторжения, есть риски, нет рисков. А гуманитарная экспертиза доращивает проект до гуманитарной составляющей, чтобы у него она появилась.

Шевченко Л. В.: Вопрос-то в том, а у них откуда это вырастет?

Смирнов С. А.: У них у самих само по себе не вырастет.

Шевченко Л. В.: Вот именно, они скажут: «Так это же сложно».

Смирнов С. А.: Согласен, да, но это проблема, в том числе гуманитариев. Идите к гуманитариям и говорите, что это надо, иначе вы проиграете в конкурентной борьбе. Усиливайте свой проект этим, потому что это ваши клиенты. Это очень сложная работа. Кстати, поэтому гуманитарная экспертиза до сих пор теоретически есть, много работ, начиная с Б. Г. Юдина. А практики гуманитарной экспертизы почти нет. Потому что ее проводить очень сложно. Людей нет, и понимания, что это нечто иное, чем экологическая экспертиза, где все понятно, а это другое. Это надо разработку доращивать до человека, и человека до разработки. Делать гибрид, интерфейс, достраивать его. Для этого разработчик должен созреть до понимания того, что ему надо. И тогда он выиграет и опередит на полкорпуса конкурентов. Но это очень сложно, потому что гуманитарий не знает этого, а этот не знает этого. Но тем не менее, хорошая задачка. Вот кое-что написано у меня про это, в работе «Человек и Цифра или Соблазн не быть. Антропологическая альтернатива».

Шевченко Л. В.: Поскольку мы находимся в государственном образовании, в этом смысле ориентация у них на государственные какие-то рамки, а государству нужно сейчас что? Этот перелом.. Я почувствовала этот перелом, в бардаке, конечно, но с другой стороны, знаете, увидела что-то хорошее.

Смирнов С. А.: Осознание какое-то происходит.

Шевченко Л. В.: Хотя бы мусор всевозможный начинает вылетать.

Смирнов С. А.: У некоторых представителей идет осознание, я-то это просто знаю. Я же сунулся со своими этими идеями туда наверх, отправлял предложения, в том числе, в администрацию президента. Дошло. В мае будет заседание Совета по оборонной и внешней политике. Ни много, ни мало. Там Сергей Александрович Караганов. Он меня туда позвал и там мы будем обсуждать, как ты думаешь, что? Институт человека. Я ему свой Манифест отправлял, ему понравилось, сильно загорелся, просто сильно, вот это – то что сейчас нужно уже позарез, а он повестку чувствует. В мае будет разговор, если получится. Так что поговорим, но с перспективой конечно, потому что там надо же это все в какие-то дела воплощать, какие-то программы, проекты. Но судя по всему у него есть не просто интерес, а интерес практический. Практический, просто надо воплощать.

Шевченко Л. В.: Я даже по студентам вижу, я их всегда спрашиваю, что они слушают, что читают (хотя читать они не читают), какие там каналы, подписки. И за последнее время многое изменилось. Те, кого вывели как «вредителей», большинству стали недоступны, они этого не слушают уже. Я вот считаю, что сознание у них очистилось, это видно, но там пусто, но оно хотя бы не завалено этой помойкой невероятной.

А с другой стороны, что туда поместить? Я смотрю сейчас, по-нашему региону, у нас же специальность есть, «организация работы с молодежью», и вот эта вся молодежная политика. Стали вливать огромные деньги в гранты, там грантовых программ за последний год увеличилось. У нас второкурсники берут почти 2 млн. по гранту на реализацию учебного проекта. Я стала ходить по мероприятиям, которые сопровождают выдачу гранта, что они там говорят, где какая политика. Политики никакой. У них политика в том, чтобы поддержать инициативы, чтобы ребята поняли, что их идеи важны. Чтобы держать ребят, чтобы они не свалились в наркоту еще куда-нибудь. Но держать на чем?

Смирнов С. А.: Да, держать на чем? Какие ориентиры показывать, какие образцы показывать, какие...

Шевченко Л. В.: Нет, парадокс знаете в чем? Парадокс в том, что я по деревням ездила, по району, школы слабые. У них очень слабое образование. У них нет образования, но тут, понимаете, ребята, нате вам деньги на инициативы. Но откуда у них возьмутся нормальные инициативы, если это-то провалено!? Сюда денег пока еще никто не вливает, в учителей!

Смирнов С. А.: Это перекося, да, я согласен, со школой хреново.

Шевченко Л. В.: То есть они и тешатся какими-то грантами, эти проекты АСИ, при том, что образования у них нет, в вуз нормальный поступать они не могут, потому что у них просто нет школьного образования нормального.

Смирнов С. А.: ЕГЭ не сдадут.

Шевченко Л. В.: Конечно не сдадут, ну там ужас во многих школах, там просто все завалено.

Смирнов С. А.: Это всеобщая проблема. Со школой большая проблема, большая беда. Они еще и менять ее не собираются. Это уже много лет же тянется. Есть школа, какая есть, процесс там идет худо-бедно, а параллельно все эти проекты АСИ, НТИ, кружковое движение, «Лидеры России», параллельно наращиваются, наращиваются, и здесь все больше и больше ресурсов, больше денег, а здесь ничего не трогается, как священная корова, школу саму не трогай. Но когда-то однажды вот этот разрыв, он грохнется. И когда они поймут, что надо школу трансформировать. Но это же конфликтная ситуация. Тут чиновники сидят. Они же без работы останутся. А это вот активисты. Школа, основная программа, до обеда, ее не трогай, а кружки после обеда, здесь можно. Здесь уроки, а здесь кружки, понимаешь? Здесь трогать нельзя, а здесь можно. Это на разрыв, это на конфликт. Это же институциональная проблема, а школ сотни, тысячи, детей миллионы. Дай возможность здесь попробовать, все другие захотят. Я же пытался хотя бы начать обсуждать проблему с ЕГЭ, но священная корова, насмерть стоят, даже не подпускают, даже близко, даже обсуждать нельзя. Боятся!

А реальной социологии нет, или есть, но прячут, что происходит со школой последние два года обучения, учат они или не учат, или тренируют на сдачу ЕГЭ, что с детьми происходит, почему дети, сдавая ЕГЭ чуть ли не на 100 баллов, потом на первой сессии заваливаются, ну и так далее. Есть просто цифры. 30-50 % отсея. Или ВУЗ вынужден первые полгода, не знаю, как у вас, дотягивать просто азы по математике и другим предметам, потому что, хотя студент и сдал ЕГЭ, но математику не знает. Вопрос в том, что это видят, но менять ничего не хотят, даже обсуждать не хотят.

Шевченко Л. В.: У нас-то вообще просто ахтунг. Взяли же этот приоритет 2030, это значит, что на инженеров надо много кого учить. А их нет – физику никто не знает. Вы бы видели, кто там сидит.

Смирнов С. А.: Но ЕГЭ сдали?

Шевченко Л. В.: Да, есть те, которые сдавали.

Смирнов С. А.: Поступили, все. Вот в чем и трагизм ЕГЭ: сдает, а предмет не знает.

Шевченко Л. В.: Нет, вот потом-то говорят, что да, мы их будем дотягивать.

Смирнов С. А.: Дотягивают. Да, как могут.

Шевченко Л. В.: Это тоже не вариант.

Смирнов С. А.: Конечно, о чем и речь. Ну, это большая проблема, я не знаю. А как ты решаешь такую проблему? Студенты не читают.

Шевченко Л. В.: Да никак я не решаю. Рассказываю про интересные тексты, читаю.

Смирнов С. А.: Но это невозможно. Образование невозможно без личного чтения. Мы в библиотеках сидели каждый день, круглосуточно.

Шевченко Л. В.: Я их тащу в библиотеку с собой, между прочим.

Смирнов С. А.: Я этих всех Бахтиных, Выготских лично всех переконспектировал, с первого курса начиная. А сейчас студенты только вот так читают, с мобильного. Это не чтение. Это значит, они никогда у тебя не словят то, что ты им рассказываешь, в принципе, без личного усилия по чтению текста. Это большая беда... Причем, они не читают со школы.

Шевченко Л. В.: Более того, некоторые не умеют читать.

Смирнов С. А.: Ну, то, что они, даже читая, ничего не понимают, это тоже понятно. Но это же страшная проблема. По гуманитарным предметам это ключевая проблема. Без чтения текста на гуманитарке, что можно вообще понять? И что делать? Я вот два года уже провел свой курс магистрантам-психологам. Веду курс в педагогическом «Выготский и Цифра». Рассказываю им про культурно-историческую психологию. Там надо Выготского почитать. Эльконина старшего читать. Гальперина читать. Ну просто читать. Открыл, в читальном зале сел, почитал. Законспектировал. И тогда, может, что-то поймешь. В мобильнике не поймешь. Что делать? Привет, тупик.

Шевченко Л. В.: Кто мне сильно дорог из моих курсовиков, я прямо в науку их веду, даю текст и говорю: «Читай». Но вот у меня был мальчишка, он меня замучил. Я думала, он сейчас сядет, будет читать. Нет! Он через каждые 15 минут спрашивал: «А вот здесь я правильно понимаю?»

Смирнов С. А.: Не удерживает.

Шевченко Л. В.: Да. «А вот это я так понимаю?». Я говорила: «Все так. Все так». Но знаете, он вот так помучил, а потом, я смотрю, он этому научился, усвоил.

Смирнов С. А.: Ну так приходится. Да. Фактически, если возиться с каждым, то он догоняет то, что потеряно было раньше. Конечно. Но вот проблема. Я на занятиях вынужден с ними читать.

Шевченко Л. В.: Читать. Я тоже читаю.

Смирнов С. А.: Просто читать. Да.

Шевченко Л. В.: Потому что если тексты никому не показать, то они это не поймут.

Смирнов С. А.: Я не знаю, что с этим делать. Это вообще проблема. Как можно? А как другие предметы? Они же ведь сдают экзамены. И преподаватели сами планку радикально низко ставят. И что? Где образование? Они не могут не ставить зачеты. Иначе надо всех отчислять... Я не знаю, что с этим делать.

Шевченко Л. В.: Конечно, я прекрасно понимаю, о чем Вы говорите. Конечно, преподаватели куда денутся, против этого тоже не попрешь, против всех. Но я могу с теми, кто мне сильно дорог, настаивать. Но они, сейчас у некоторых, кто интеллектуальные, они слушают, есть же аудиокниги. Я не могу так.

Смирнов С. А.: Нет, это не то. Нужен текст, ручка, да еще конспект. Тогда понимаешь. Тексты-то такие, содержательные. Можно слушать по аудио диктектив, роман, это ладно. А здесь научные текст. Я не знаю, что делать. Это тупик.

Шевченко Л. В.: Говорят, что они уже больше не будут читать.

Смирнов С. А.: В том-то и дело, это необратимо. Их не вернешь к книге. Эти поколения уже все. А как сделать так, чтобы даже с помощью этих устройств формировать у них мышление. Мышление же, оно рукотворное.

Шевченко Л. В.: Я замечаю, что преподаватели не читают ничего.

Смирнов С. А.: Это мы тоже знаем. Не знают они никаких Выготских и Бахтиных.

Шевченко Л. В.: Я даже не про такие высоты, я просто по их речи понимаю, что они не читатели.

Смирнов С. А.: Вот, и это вот что-то такое, которое вроде бы предполагает изменение всего интерфейса. Хорошо, значит, место книги занимает эта штука, но как сделать так, чтобы даже с этой штукой все равно формировать понимание, мышление, письмо? Это все рукотворно. Они не пишут, а письмо, чтение – базовые вещи, разве что задачки решают, там на математике как раз это не мешает. Там-то ладно, физики, математики, а вот гуманитарка вся на текстах, и что там делать, я не знаю. Заменитель какой? Пока нет заменителя. Чтобы построить новый функционал, новый интерфейс человека и источника текста... Но пока не знаю, как это все, поэтому книжка – уже музейный экспонат.

Шевченко Л. В.: Нет, я без чтения вообще не могу. В последние месяцы у меня не было совсем времени, но я в науке подняла Эльконина Даниила Борисовича, «Психологию игры», так мне сильно надо было ее прочитать. Так я ее, знаете, раз в неделю зайду, каких-нибудь три страницы прочитаю, спать охота еще. Но я ее все равно читаю, мне вот это надо, меня это восстанавливает. Приходишь, вот у тебя библиотека, вот книжка, и вот он ты.

Смирнов С. А.: Точно, точно, да. Это да.

Шевченко Л. В.: Тебя это собирает просто. А вот как они, я не знаю.

Смирнов С. А.: Ну, вот такие дела. Ну что? Остановка?...